

ДУША ОТКЛИКНУЛАСЬ В ОТВЕТ

О жизни и творчестве Василия Мишенёва

Вологда
2000

«Никольская районная» ;

Б И Б Л И О Т Е К А

! км, Г. П. Потанина

*Автор выражает благодарность Виктору Николаевичу Цветкову
за финансовую помощь в издании этого сборника*

В. БЕЛОВ

Час безмолвия

*Царей и царств земных отрада,
Возлюбленная тишина.*

Михайло Ломоносов

Не оскудевает наш северный Парнас! Всех вологжан (и не только вологжан) можно поздравить с появлением нового поэтического имени: Мишенев Василий Михайлович.

Живет он в Никольске. Родина Александра Яшина может гордиться: Никольская земля снова вскормила и выпестовала большого серьезного поэта. (Надеюсь, не ошибусь, если скажу, что поэта общероссийского масштаба. Уверен в том, что о Василии Мишенёве вскоре заговорят и самая строгая литературная критика, и многочисленная армия любителей русской поэзии, как враз и надолго заговорили они в свое время о Николае Рубцове).

Все признаки большого таланта проявлены в книжке Василия Мишенёва «Опавшие яблоки», вышедшей в Вологде в количестве девятиста девяноста девяти штук. Не лишка! Но Вологодская писательская организация надеется, что следующие книги Мишенёва выйдут более солидным тиражом.

Не будем торопить автора «Опавших яблок», спешка тут не нужна... Поэт слышит всё: «и стоны гибнущих растений, и вздохи ветра у стены», но не надо ему мешать! Поэзия исчезает, когда начинают её планировать, как, например, планируют бюджет или дорожное строительство.

Там что-то тайное свершилось
Под остывающей звездой,
Там время к полночи скатилось,
О вечность темную разбилося
И вновь не властно над собой.

Подобные строчки достойны той меры, которой мы меряем Тютчева или Боратынского, но в «Опавших яблоках», скорей всего, преобладает не философская стихия, а лирическая. Вот, к примеру, как Василий Мишенёв говорит о друзьях. Стихотворение заслуживает того, чтобы выписать его целиком.

Над ночью Вологдой
Кружит лёгкий снег.
Я бреду по городу,
Дальний человек.

То, что было прожито,
Вспомнить все нельзя.
В тихой милой Вологде
Спят мои друзья.

Кто-то в центре города,
Кто-то за мостом...
Кто-то в доме ласковом,
Кто-то под крестом!

Я иду к кому из них?
Где найду ночлег?
Все следы на улице
Засыпает снег!..

Что такое поэзия? Василий Мишенёв не настолько самонадеян, чтобы отвечать на такой серьёзный вопрос, он знает, что далеко не на все тайны человеку следует покушаться. «Замрут отдалённые звуки, До шёпота стихнет вода, И вновь над речною излучкой Протает ночная звезда! И вздрогнет душа, откликаясь... В том тайна какая-то есть, Которую снова пытаюсь На небе вечером прочесть!»

Иногда поэт в одной-двух строчках достигает высокого философского обобщения:

Когда в руках несешь свечу во мраке,
Спасти огонь - главной задачи нет!

Добавим, что для того, чтобы погасить свечи, достаточно одного легкого дуновения, а если вокруг мечутся холодные вихри? Тогда спасти огонь трудней во сто крат... В прекрасном стихотворении «Слух души» говорится, как на родине этот поэтический слух неожиданно посещает лирического героя:

Родимый край!
Что видел я вокруг?

Весенний день учился плакать,
Но тучи были так легки,
И дождь сумел едва прокапать,
Не заглушив твои шаги.

В этой коротенькой рецензии на книгу Василия Мишенёва я намеренно не упоминаю о его любовной лирике и о социальных мотивах, звучащих в таких стихотворениях, как «Вырывали крестьянские корни...». Пусть читатель прочтёт эту книжечку сам от начала и до конца, прочтёт и все решит сам.

Как не вспомнить добрым словом Николая Рубцова, Сергея Чухина и, конечно, Александра Романова, много лет руководившего нами, создавшего в Вологде атмосферу литературного благожелательства.

Помянем и Виктора Коротаева, который также много сделал для земляков, начинающих свой литературный путь. Поэтическая традиция жива и неистошима.

«Красный Север», 21 июня 2000 год

Ю.ЛЕДНЕВ — — —

Имя ей - «лирика»

Она впорхнула в мой дом в обычном почтовом конверте. Так мала была, что убралась туда даже ещё с небольшим запасом. И все-таки это была книжка. А главное - давно ожидаемая. Ожидаемая лет эдак двадцать.

В семидесятые годы я впервые узнал, что в Никольске живет Вася Мишенёв, что преданно любит он поэзию своего земляка Александра Яшина и сам пробует писать стихи.

Через некоторое время стихи Мишенёва появились в газетах, сначала в районной, потом - в областных. Сейчас люди, интересующиеся поэзией, наверное, уже не могут представить вологодскую литературную ниву без мишенёвского поля.

Но собственного сборника у Василия Мишенёва до сих пор не было. Не было, несмотря на то, что и положительные рецензии на его рукописи писались, не было потому, что издательское дело в нашей стране находилось в руках сухих, черствых душою людей, похожих на того субъекта, которого

заклеймил автор на седьмой странице в стихотворении «Шумный век нашу землю состарил...».

Не скажу, что и сейчас изданиями книг ведают люди прекраснодушные. Большой частью судьбу пишущего решает коммерция. Но вот нашлись всё-таки меценаты в лице А. И. Бороздина (АО «Никольскагроссервис») и В. Ф. Ласкина (АО «Гамма-Никольск»), которые не побоялись вложить средства в издание этого крохотного сборничка.

Чуткое сердце не может не заметить истинной поэзии, которой веет со страниц «Лирики». Автор ее находит удивительно точные слова при создании образов. Вот он описывает материнский дом, зимний вечер:

Взгляну в окошко - вокруг белеет,
Я нынче грустью не заболею!
В избе у мамы тепло от печки,
В углу - икона, псалтырь и свечи...
.. И рада мама - глаза спокойны,
Как у святого с ее иконы.

Святость матери! Что может быть выше этого чувства! И подано оно не назойливо, а одним штрихом, как бы вскользь, как бы само собой разумеющееся.

Сколько раз уже писалось о березах, о их белизне! Кажется, ничего нового тут не придумать. Да, конечно, если идти «от головы». А если от сердца идти, то можно обнаружить находку:

Может нынче настала пора
Перестать за удачею гнаться,
А присесть у ночного костра
И с собой не спеша разобраться?
Я бы рад, только кони не ждут!
Ничего не случится со мною!
Лишь березы по краю мелькнут,
Полоснут по душе белизною.

Вот так полоснуть по сердцу может опять-таки только родное, только неотъемлемое. А если говорить об изобразительности стиха, то из фразы предпоследней строчки неожиданно взвывается над конями вполне уместный «кнут», как бы оторвавшийся от слова «мелькнут» и ставший хлесткой рифмой, подгоняющей динамику описания.

Три десятка стихотворений убралась в маленькой книжке. И в каждом есть своя изюминка. Я не буду больше цитировать: надо же читателю самому всё найти, ощутить, почувствовать. Скажу только, что есть у автора «Лирики» одна немаловажная привилегия: дано ему, видимо, самим Богом и радоваться и печалиться не за одного себя, а и за других: за маму, за друзей, за любимую. И более всего - за Родину. И все это тоже пусть читатель найдёт сам.

Говорят, что рецензент обязан сказать что-то о недостатках. Что ж, извольте! Недостаток есть: могла бы первая книга Василия Мишенёва быть и побольше объемом. Зная его стихи, я убеждён: могла бы быть и побольше. Пусть учтут это будущие издатели творчества поэта-никольчанина.

«Красный Север» от 11 сентября 1993 года

Пронзает

(О первом сборнике В. Мишенёва)

Опускаюсь на колени,
Шумно дышат за спиной
Все в лохмотьях белой пены
Кони, загнанные мной

В каком душевном порыве написано это! Сколько страсти вложено в живую картину, в остановившееся, замершее, и горькое, и сладкое мгновение! Если бы поэт не сказал более ни строки, ни словечка, все равно бы только по единственной строфе можно было понять святость момента, который описан, догадаться, что здесь заключена истинная поэзия.

Василий Мишенёв, чье имя на обложке, не новичок в поэзии. Вологжане не раз встречали его имя в газетах и коллективных сборниках. Уверен, что немногие остались при этом равнодушными, ведь мишенёвские строки несут в себе высокое напряжение мысли и чувства.

Уж чего, казалось бы, проще - снег. У кого только нет, начиная с Александра Сергеевича, взволнованных оборотов по этому поводу? А вот Мишенёв находит своё, неожиданное. Да и у него «снежинки летят с высоты» (не наоборот же), и у него ложатся на плечи, и «причудливый сон» не очень то удивляет... Но вот это: «Послушайте, падает снег. А где же на улице дети?». Это пронзает. Ведь деревня-то пуста, и некому радоваться снежному чуду. Да, всё та же грусть по гибнущей деревне, но как не в лоб сказано. С каким

подтекстом, с какой тайной надеждой? А вдруг выбегут, затеют игру в снежки, заполнят тишину звонким смехом...

Когда поэзия вызывает такие ассоциации, это дорогого стоит.

А мне вспомнилась давняя встреча с Васей Мишенёвым. Было это то ли в Вологде, то ли в Никольске, на Яшинском празднике. Место забылось, а тема запомнилась - о поэтическом мастерстве, о заключительных строчках в стихотворении. Тогда у начищающего поэта не всё ладилось с концовками. Зато как свободно он расправляется с ними теперь! Теперь иная концовка у Мишенёва выглядит как ладный фундамент, на который опирается всё стихотворение: «И рада мама - глаза спокойны, Как у святого с ее иконы». Иной стихотворный конец как взрыв на бикфордовом шнуре: «Лишь березы по краю мелькнут, Полоснут по душе белизною!» Иной похож на отчаянный зов: «А может быть, вы постучитесь сегодня ко мне, Придёте спасти человека в ночной полынье?».

Радостно видеть, как собрат по перу овладевает тайнами сочинительства. Исполать ему на этом пути. Стократ радостно исповедальное признание поэта: «сердце вдруг заговорит». Голос сердца, звучащий в лирике Мишенёва.

Вологодская газета-альманах «Свеча», № 6, ноябрь 1994 года

А . РОМАНОВ — — — —

Статья эта- моего младшего сына, учителя литературы. Для нас, его родных, она — новость- Ни разу не обмолвился он, что занят сложными раздумьями о том, что есть Поэзия и кого из множества стихотворцев можно назвать Поэтами. Тем отраднее оказались для меня сыновьи рассуждения об этих тайнах творчества и своеобразная смелость его доказательств. Надеюсь, читателям «Губернских новостей» будет интересен этот литературный дебют.

Александр Романов

Протаяла звезда...

Видно, на роду так нам написано - не сразу открывать свою истину (грош цена такой-то), а в муках через слово, через звук, поступок искать ее. Кто

выходит, а кто, глядишь, и нет... Больно за одних, зато как радостно за других, нашедших.

Каждый знает, как обидно быть непонятым, и какой радостью осяется лицо понятого человека, лицо Человека Нашедшего.

Мы говорим сегодня о поэтической истине, а значит, о точности слова.

Посреди беспросветных выюг
Мы растеряли многих...
Оглянись на меня, мой друг,
И не оставь в дороге...

Не торопись, мудрый читатель, вдумайся и попробуй эту простую истину (слаб человек, нужен ему друг) высказать так! Это - Поэзия, это - поиск и нахождение точности, это - признание слабости и силы своей. А сила и слабость человека (поэт - живой человек, может, живет, чем не поэт) - от сознания своей тварной сущности. И мощь в тебе, человеке, и недуги. Когда умер Пушкин, поэты, не сразу осознав случившееся, продолжали писать (искали силу свою, забыв о слабости по сравнению с Гением). Казалось бы, многие темы «закрты».

Но вот появляются Лермонтов, Тютчев, Фет, Бунин, Блок... Когда не стало Н. Рубцова, поэта, может быть, единственного в наши дни умевшего словом указать на истину, история повторилась. И отнюдь не в виде фарса!

«К чему такая прелюдия? - спросит логический читатель. - Известно, что поэзия, как одна из форм жизни, неисчерпаема, следовательно, закрыть темы невозможно, ну и значится...» А вот к чему. На Вологодчине появился Поэт. Появился именно у нас, несмотря на то, что Природа посылала (и не однажды) нам таланты, несмотря на то, что здесь творил Рубцов.

Ведь, казалось бы, что можно добавить:

Ночь тиха, пустыня внемлет Богу,

И звезда с звездой говорит?

Но вот Рубцов пишет своё:

Звезда полей! В минуты потрясений
Я вспоминал, как тихо за холмом
Она горит над золотом осенним,
Она горит над зимним серебром.

А вот поэт, которому и посвящена статья, - Василий Мишенёв:

Замрут отдалённые звуки,
До шепота стихнет вода,
И вновь над речною излучкой
Протает ночная звезда

Все три отрывка - примеры истинной Поэзии. Чистый душой человек откликается мгновенно - «это моя поэзия». Настоящие стихи не допишешь, можно только по-своему написать (лучше или хуже). А где критерий? Кто скажет, что лучше? Что ближе, понятнее, то и лучше? Но ведь многим ближе «На-На», Добрынин... О, я знаю, что ты, мой читатель, не из этого числа. И всё же, как быть? А никак! Есть поэты и есть не поэты. Лермонтов, Рубцов и Мишенёв - истинные, каждый по-своему постигший поэтическую истину: Правду жизни (и нашей с тобой, читатель, тоже)...

Поэзию Н. Рубцова считают «тихой». Интересный какой-то термин получается, будто и нет в природе «злых» стихов Рубцова, направленных против рвачей и подлецов, безродных и бездумных... В этом смысле, конечно, и стихи В. Мишенёва также «тихие», громогласно о себе заявляющие.

То, что было прожито,
Вспомнить все нельзя.
В тихой милой Вологде
Спят мои друзья...

Удивителен взгляд на жизнь!

У Рубцова:

Снег летит на храм Софии,
На детей, а их не счесть.
Снег летит по всей России,
Словно радостная весть.

У Мишенёва:

Над ночью Вологдой
Кружит легкий снег.

Я бреду по городу,
Дальний человек.

Об одном? Практически, да. Одинаково? Бог, весть. В смысле формы, может быть... А по сути - оба говорят о себе: один - со светлой грустью, другой - с какой-то щемящей безысходностью (не случайно же у Мишенёва проскользнуло: «все следы на улице засыпает снег»). Один радуется: «Снег летит - гляди и слушай! Так вот просто и хитро Жизнь порой врачует душу... Ну и ладно. И добро». Другой - «Хочешь стынуть со мной на ветру до разлуки? Мой костёр не согреет тебя!».

Кто прав? И в чём она, поэтическая правда? В точности копирования жизни? В отточенной рифме? В отражении жгучих вопросов современности? Нет, наверное. Ведь не зря же существуют копиисты, эстеты, сатирики.

Вероятно, правда в том, своём, чего нет у многих пишущих, но есть у многих понимающих. Вот как мы с тобой, читатель. «Правда, к которой должен прийти человек, может быть только правдой его СОБСТВЕННОГО сознания», - утверждал крупный русский ученый М. М. Бахтин.

Ни одной строкой Василий Мишенёв не повторяет Рубцова, но продолжает- его, и это прекрасно!

А вот разве что попытаться сделать... Нет, нет... робею... Ну, уж только самую малость. Прочитай, читатель, следующее стихотворение.

А с тобою, как разные птицы!
Что ж нам ждать на одном берегу?
Может быть, я смогу возвратиться,
Может быть, никогда не смогу.
Вот и листья летят на простор
С мокрых ветел.
Свой у каждого в жизни костёр.
Свой и пепел!..

Да, да, ты прав: нет такого стихотворения в природе. Это две разные строфы разных поэтов: Н. Рубцова и В. Мишенёва. «Фу, как грубо и неуклюже, - скажет читатель, - поэтическое кощунство!» Но никак не кощунство, а подчёркивание особенностей каждого, несмотря на похожесть. Это ведь только Базаров ёрничал: «Люди, что деревья в лесу!». Сказал, как приговор произнёс. Но мы-то с тобой ну никак не можем согласиться с ним.

У Томаса Манна в «Иосифе и его братьях» есть удивительный момент, когда отец (Иаков), обезумевший от горя по умершему (как ему сказали) сыну, пытается снова «родить Иосифа»... О, как горд человек! На такое покуситься - на точное воссоздание однажды уже бывшего! Безумие от боли простил Всевышний. Сын вернулся к отцу, и были счастливы оба. Россия, преодолевая такую же боль после смерти Рубцова, хотела вот так же воссоздать его... И появляется поэт, имя его — Василий Мишенёв. Помнишь, читатель, в начале статьи:

.. И вновь над речною излукой

Протает ночная звезда?

А дальше идет:

И вздрогнет душа, откликаясь,

В том тайна какая-то есть!

Которую снова пытаюсь

На небе вечернем прочесть!

И, может, совсем не случайно

Опять прихожу к одному:

Пока не раскрою ту тайну -

Зачем я живу - не пойму!

Это ведь о нас с тобой...

Кажется, что Рубцов, а не Мишенёв должен был предугадать:

Я вернусь, постаревший чуть-чуть.

На земле не закончен мой путь!

Воистину так! А значит, это не повторение, а продолжение! Хорошо сказано: нет поэтов плохих и хороших (это ведь не специальность, не разряд), а есть Поэт и не поэт. Читатель сам, конечно же, решает — настоящая ли это поэзия. Но по большому счёту - это уже мало что значит. Звезда протаяла. Кто, кроме Одного, властен над ней?

Дай только Бог, чтобы вызвездило!

г-та «Губернские новости» от 18.01.95 года

О книге Василия Мишенёва «Надежды и печали»

Совсем недавно я познакомился с творчеством Василия Мишенёва, жителя города Никольска Вологодской области.

Признаюсь, что многие сборники провинциальных стихотворцев не радовали новизной. Казалось, что их авторы боятся сказать о жизни что-то свое. Впечатление оставалось такое, словно в стране не произошло никаких перемен, и люди живут так, как они жили прежде. Даже в стихах о природе все только называлось, и такая назывная «поэзия» кочует из одного сборника в другой, не вызывая интереса у читателей. Иные сочинители спешат объявить себя поэтами, хотя поэзией стихи многих из них назвать нельзя, это часто лишь кое-как зарифмованные строки, серое, безликое нагромождение слов.

Не знакомый прежде с произведениями Мишенёва, я без большой надежды на то, что найду в сборнике что-то новое, интересное, необычное, начал читать стихи и с радостью убедился, что автор не зря взялся за перо, что он талантливый литератор, что его стихи написаны из подлинной необходимости, а не из смутного желания что-то сочинять. Это относится и к лирическим произведениям, и к гражданским стихам, где идёт разговор о трагической судьбе России.

Радует яркая образность, оригинальность сюжетов, своё открытие мира, довольно высокое мастерство автора. Во многих стихах личное сливается с общественным, трагическое с шуточным и смешным, что часто соседствует в жизни, особенно в среде молодежи.

С безисходной в сердце грустью
Я прощаюсь с прежней Русью.
Мой народ, заложник власти,
Грезит все ещё о счастье.
Средь бесчисленных разборок
Не поймет кто друг, кто враг
И живёт в глубинке тихо,
Ждёт, когда минует лихо.
Замордованный, забитый,

Воровской Москвой забытый,
В государстве криминальном
Как живешь, народ?
- Нормально...

Если бы даже не было обозначено, что книга эта вышла в 1997 году, читатель сразу бы догадался о каком времени идет речь, и мысленно согласился со справедливостью слов поэта.

Мы недавно вождям неистово хлопали,
Но время прошло, и с обидою видим сейчас:
Растранжирили, продали, предали, пропили
Всё, что было в великой державе у нас.
Нынче Русь на колени врагами поставлена,
Чтоб народ не осмелился слова сказать,
Запугали нас призраком мертвого Сталина,
Обращая наш взор не вперед, а назад...

Автор не скрывает своей тревоги за Россию, своих сомнений, своего отношения к тому, что происходит на Руси.

Над Россией снова ночь,
Мы идем по краю.
Чем помочь? И как помочь?
Я не знаю...
Ворон знает, ворон - брат
Нынешним и прежним,
Тем, кто нас оставить рад
Без надежды...

Радует разнообразие ритмов, сюжетов, новых образов, мыслей и чувств, поэтических откровений и пророчеств в стихах Мишенёва. Они свидетельствуют о том, что в литературу пришёл яркий профессиональный художник слова. Такие появляются, увы, не часто, ведь в литературе нельзя выучиться на поэта, не поможет любая мастеровитость, если у автора нет поэтического дара.

По этому поводу хорошо сказал Александр Твардовский:

И всё похоже, всё подобно
Тому, что есть или может быть,
Но в общем вот как несъедобно,
Что в голос хочется завить.

Ведь кроме овладения литературными приемами нужны еще и эмоции, возвышенное состояние души, то, что называют вдохновением. Даже справедливые, верные слова, сказанные равнодушно, без внутреннего волнения, не производят впечатления на читателя.

« Страдать надо» - дал оценку Достоевский одному из авторов, что пришёл к великому писателю за советом, и Мишенёв, может быть, и не зная об этих словах, следует совету классика. О чём бы ни шла речь в стихах, их нельзя читать без внутреннего сопереживания.

Вырывали крестьянские корни,
Отбирали скотину и дом,
Становился дорогою торной
Путь на север
Под снегом, дождем.
Там в тесовом
Застывшем бараке,
Где лишь смерть
Всем вопросам ответ,
На завшивленных нарах
Во мраке
Замерзал
Работающий мой дед.
Кто посеял зловещую силу?
В чем вина их,
Погибших вдали?
Подрубали под корень Россию,
Хлеборобов сгоняя с земли!

Хотелось бы отметить еще одну особенность в творчестве Мишенёва. Его стихи понятны и крестьянину, и сельской учительнице, и общественному руководителю. Эта особенность роднит такие произведения со стихами Николая Рубцова, где нет вычурных образов, всё названо своими именами. Такие произведения выгодно отличаются от стихов - ребусов, стихов - зага-

док, каких немало появилось в печати, особенно в последнее время. И невольно вспоминаются строки Твардовского:

Вот стихи, а всё понятно, всё на русском языке.

В качестве примера хочется привести отрывок из произведения Василия Мишенёва: «Шумный век нашу землю состарил...». Оно о поэте, который сам продает на «житейском базаре» за бесценок свои сочинения:

Подошел покупатель: - Послушай,
А о чём те стихи? Покажи.
Что ж ты всё тут про душу, про душу,
Если нет её вовсе, души?...
И добавил, как мнение народа,
Обвинив меня будто во лжи,
Что давно уже кончилась мода
На бессмертную тему души.

Но, к счастью, и в эти тревожные времена духовность ещё существует, хотя её становится всё меньше и меньше. Каждый день её ждут суровые испытания и автор справедливо говорит:

И день минувший не ругая,
Храни в себе полдневный свет,
Чтоб где-то рядышком, другая
Душа откликнулась в ответ.

В новой книге Мишенёва много пейзажных стихов. В них говорится о переживаниях, о думах поэта, о его радостях и сомнениях, а природа как бы подсказывает автору темы его творений:

Облака и туман над Россией,
Но в краю, где начало дорог,
Понимаю с особенной силою:
Где мой путь,
Где мой свет,
Где мой Бог!

Ветры, облака, птицы, туманы, дожди и снега, как вечные спутники жизни поэта, его друзья детства, юности и зрелых лет.

С годами, с печальными переменами в стране, чувство тревоги за Россию становится постоянным, определяющим судьбы людей:

Вечное время!
Не будь к уходящим жестоко?
Тяжкие думы
несу по дороге своей.
Что ж так, Россия,
под небом твоим одиноко?
Что ж так, родная,
мне грустно средь милых полей?

Предчувствуя горестные перемены в судьбе России, поэт все чаще обращается к вечной теме земли, что объединяет людей, и без неё невозможно представить родину. Это, как мне кажется, одна из главных тем сборника, и недаром ей посвящены стихи-раздумья, грустные и тревожные, трагические и суровые, но редко когда спокойные и беспечальные.

Мы все родной землёй богаты,
И бросить землю не спеши,
Чтоб в дальних странствиях когда-то,
Не слышать вечный плач души.

В короткой рецензии невозможно дать оценку всем произведениям сборника, однако хотелось бы отметить особенности новой книги. В наше время разрух и раздоров, упадка культуры, ослабления военной мощи государства, многие стихи о вечном календаре природы, о расставаниях с юностью, хотя и не лишены литературных достоинств, читаются с меньшим интересом, чем гражданские произведения, где отражён наш быт, наша жизнь, не отделяемая от России. Порой кажется, что строки о временах года написаны по-этом давным давно и гораздо более традиционным, чем другие, где смело, открыто звучит голос певца. Не потому ли стихи второй части сборника кажутся порой монотонными и не слишком оригинальными. В них гораздо меньше поэтических открытий, творческих экспериментов, хотя они и написаны вполне профессионально.

По сравнению с творениями многих стихотворцев 20, 30, 40-х годов нынешний уровень мастерства несравненно выше, и наши известные

критики предрекают даже скорое рождение классиков поэзии, и это нельзя не учитывать. Многое зависит от композиции, от того, как расположены стихи в сборнике.

Я не претендую на свою оценку творчества Василия Мишенёва, как единственную, верную. О его стихах могут быть различные мнения, но ясно одно, что в России родился ещё один поэт, и я радуюсь его успехам и желаю ему новых творческих достижений, новых открытий островов поэзии.

г. Санкт-Петербург, 1997 год

А. РОМАНОВ

Поднебесные птицы

(предисловие к сборнику стихов «Надежды и печали»)

Передо мной поэтические сборники Василия Мишенёва: «Лирика», «Слух души», «Северный ветер» и «Кленовые листья». Четыре книжки - за четыре года! Радуюсь я такому щедрому раскрытию его таланта.

Нет! Без поэзии не жить,
Уже не отрешиться,
И ей на доньшке души
Вовек свечой теплиться.
Иного выбрать я не смог
Для счастья и мученья,
Но этот тихий огонёк -
Костер самосожженья!

Сказано это верно. Поэзия не что иное, как соприкосновение одной чуткой души с горестями и радостями всего родного народа. Это смелые порывы выявить словом из нашего греховного бытия отсветы Божественного духа. И в сиюминутном уловить вечное.

Никак нельзя
Не думать мне о том,
Что - жизнь моя?
Что - мир?
Что - сам я в нем?

Будь жив Александр Яковлевич Яшин, порадовался бы он творчеству своего молодого земляка-никольчанина. Я помню, с какой строгой радостью поддерживал он в своё время всех нас, поэтов и прозаиков, создавших Вологодскую писательскую организацию - выдающуюся в России по талантливости и самобытности. И не без гордости, с веселым лукавством, в Москве утверждал, что вологодская сторона, а в ней родная никольщина, богаче всех иных мест народными дарованиями.

А что?.. Вполне возможно, что в этом суждении Яшин был прав. Зоркий он был, смелый, великодушный. Он порадовался бы стихам Василия Мишенёва.

... Земле на верность присягая,
В грудь принародно не стучу,
А видя день родного края,
С зубами сжатыми молчу.
Что делать? Вечные вопросы
Лежат камнями на пути.
Их мне сегодня не отбросить
И стороной не обойти!..

Во многих стихах Мишенёва нет-нет да и возникнут девичьи напевы и переборы **Никольских** гармошек. И почудится вновь юное, краснощёкое девичье озарение, но тут же и померкнет оно. А увидится уже совсем иное, учуется тревожное видение жизни.

... Вот пахнуло дымом горьким, -
Подожди меня, судьба!
Дай мне здесь остановиться,
Слышу я сквозь тишину -
По скрипучим половицам
Мать приблизилась к окну...

Глубоко тронула меня и «Ночная исповедь», посвященная Сергею Чухину - поэту Божьей милостью, любимому всеми нами и трагически погибшему в самые вдохновенные свои годы. Это размышления о тупиках жизни, о собственных духовных слабостях, о надеждах на спасительное дружество.

.. Я ждал тебя.
Мне без тебя нельзя!
Я знал, что ты,
Как прежде, близко, рядом,
Искал в толпе
Тебя усталым взглядом,
Но лишь встречал
Чужие там глаза...

Василий Мишенёв обрел мужество смотреть глубоко в самого себя. И находить для самовыражения честные, прямые, а если надо и жестокие слова Правды.

.. Не за себя испытываю страх,
И не пугаю, грозно сдвинув брови,
Но топоры уже стоят у плах,
И слышен страшный запах крови!..

Поэзия - не политика. Она - пророчество. Именно в ней всегда таится пронизательная правда нашего бытия.

Вот держу я в руках четвертую книгу Василия Мишенёва «Кленовые листья». Обложка её - что деревенское окно. И в нём печальное лицо матери. Будто бы лицо самой России. И вихряется над ней, что листья, нескончаемые горести и заботы.

г. Вологда, 19 марта 1997 года

— — — — **С . МАКАРОВ** — — —

Чужая кровь, или как дорога мимо деревни прошла

1

Он был похож на скворца в скворешне - квадратная кухня, второй этаж, оконце на песчаную улицу и жёлтый клюв сигаретного окурка в чёрных усах - взмахни по-птичьим руками и полети он через форточку в синее небо, я ничуть бы не удивился. Но он привстал с табурета, как инвалид, с усилием и, припадая на правую ногу, сделал шаг навстречу.

- Это и есть Василий Мишенёв? - сорвалось у меня, неловко и коряво, но надо же было с чего-то начинать.

- Он самый,.. Чему обязан?

... А потом мы пошли в магазин взять хлеба и водки. На обратном пути заглянули в огород - нарывать картошки для жарева. Правда, картошка была исключительно мелкой, с голубиное яйцо и с желуць, остальная - вовсе горох горохом, и Мишенёв, ковыряя лопатой грядку, то ли ворчал, то ли оправдывался.

- Лето сухое было. Сам знаешь. Без дождей. А земля - песок. Плохая картошка нынешний год. И вообще. Даже грибов в лесу не уродилось.

С той самой картошки, которая мельче голубинового яйца, у нас и началось толковище. И если начистоту, понимание возникло не сразу. Я ему про стихи, про то да сё, всякое тонкое, что, как мне думалось, касается изящной словесности, и о чем непременно надо бы говорить, а он про обычное жите-бытье, о том, как без зарплаты люди в глубинке пытаются выжить, о земле, которую перестали пахать и которая, дичая, вновь зарастает кустарником, как в худшие времена, про самоубийства, про голодные обмороки детей на школьных уроках и еще про многое такое. Я было нервничать стал. Что это он? Неужели сказать больше нечего?

Но у кого что болит...

2

Мишенёв - поэт. Впервые я услышал о нем от вологодских друзей. Дескать, есть такой чудик, который отказался в Вологду перебраться на жительство. Ему - жилье! Жалованье! Всё предлагалось. Другой с превеликой бы радостью. Областной все-таки город. И до столицы рукой подать. Нет! Забился, как рак в нору. И сидит теперь безвылазно в негромком городке Никольске, что за Тотьмой, чуть в стороне от Великого Устюга на Юг-реке. По образованию - учитель. Работал в школе. И в районной газете. И всё бы оно ничего, всё терпимо, но однажды угодил он в ледяную полынью на реке. С год, если не более, провалялся под белой простынью, как труп, хоть заказывай панихиду. И если бы не мать, крохотная, неприметная с виду, старушка... Не зря, однако, говорят, что молитва матери всесильна, со дна моря способна достать. И пусть с палочкой-посошком, пусть с адскими болями в ногах и пояснице, из крошечной тьмы и беспамятства, Мишенёв тем не менее оклемался, пришёл в сознание и вновь стал ходить.

- Светлой он души человек, - говорили мне о нем в Вологде, - А мать у него святая.

Короче, отзывы были самые-самые. И я поехал в далеко-далекий городок, где еще уцелели, как встарь, дощатые тротуары. От Вологды это полтысячи километров. Рейсовый автобус трясётся туда ровно восемь часов. То лес. То поле. То ячмень. То покос. Избы деревень. И под эту тряску невольно вспомнилось, что именно из тутошних мест, из-за Сухоны, когда явился русскому миру Николай Рубцов с его чистыми, как слеза, стихами. А ещё ранее - поэт Божьей милостью Александр Яшин.

И подумалось также, что еду я вроде как к Мишенёву, молодому поэту, а вместе с тем и к Рубцову, и к Яшину, хотя их давным-давно нет в живых. Разумеется, я вовсе их не ровнял, не ставил в одну строку, разные они, конечно, - разные: у каждого свой голос и высота. И все-таки, все-таки...

3

«Всею кожей своей, - написано у Яшина в одном из рассказов, - Всею кожей своей я чувствую и жду, когда освободится эта земля из-под снега, и мне не все равно, чем засеют её в нынешнем году, и какой она даст урожай, и будут ли обеспечены на зиму коровы кормами, а люди хлебом. Не могу не думать изо дня в день и о том, построен ли уже в моей деревне навес для машин, или ещё они гниют и ржавеют под открытым небом... о том, когда появятся первые проезжие дороги в моих местах, и сельчане перестанут наконец глушить водку, а жёны горевать из-за этого.

И ещё: сколько талантливых ребятишек растёт сейчас в моей деревне, и все ли они выбьются в люди, заметит ли их вовремя кто-нибудь, и кем они станут?».

С тех пор, как написано это слово, полное тревог и заботы, прошло более чем треть века. Старые поколения ушли. Новые явились. Позже опять и опять, едва ли не в тех выражениях, с той же болью - хотя столько воды утекло! - все про то же говорит теперь Мишенёв.

- Было худо. Теперь и вовсе...

К вечеру с работы вернулась хозяйка дома, милая женщина, Антонина Егоровна, жена. И тоже включилась в разговор. По долгу службы в районной администрации она имеет прямое касательство к жизни необеспеченных слоев населения. И там, где Мишенёв горячился, давил на эмоции, многословная Антонина Егоровна называла неотразимые цифры...

4

Единственно, в чём, может быть, исполнилась мечта Александра Яшина - в Никольск пробили асфальтовую дорогу. Прежде сюда можно было доб-

раться разве что самолётом. А всякие грузы, от кирпича и цемента для строек, или товаров для торговой сети, завозились раз в год по большой талой воде весной по Сухоне и Юг-реке. Истинно это был медвежий угол! Теперь дорогу пробили, одну на Великий Устюг, другую на Вологду. Хоть тряско, зато надёжно. Как сказали мне в управлении сельского хозяйства, дороги те, к сожалению, прошли мимо деревни.

- В деревенские магазины теперь не завозят даже печёный хлеб, - продолжал Мишенёв. - Смертность превышает рождаемость. В местах, где живут мои отец и мать, несколько лет уже не слышали свадьбы. Что? Почему? Куда катимся? Вот отчего душа болит.

Он примолк. Затянулся сигаретой. Антонина Егоровна тоже молчала. За окном была ночь.

- Впрочем, что переливать из пустого в порожнее. Утро вечера мудренее. Возьмём завтра и махнём в родную деревню, в Пахомово. Там всё в наглядности видно...

5

Пахомово встретило тишиной. Ни петуха. Ни голоса. Плыли белые облака. Внизу, под горой, змеилась в осоке лента ручья по опушке тёмного ельника. На самой горе, упираясь в небо, стояла свечой небывало высокая лиственница, зеленая и солистая, с толстыми корневищами, уходящими в землю.

- Вековое дерево! - сказал Мишенёв и погладил шершавый ствол. - Сплошная загадка. Кто посадил? Когда? Даже старики наши, деревенские, этого не помнили. По вечерам здесь всегда молодежь хороводилась...

Он улыбнулся в усы и вроде как поклонился старой лиственнице, как давней знакомой.

- Вековуха! всю жизнь ей не было пары. Одна и одна. Да-а... А правда, она похожа на бабушку-старушку? А? Похожа? Хороша! И главное, сколько же она перевидала всякого. Люди в Пахомове умирали. На свет рождались. На войну уходили. Возвращались. Песни пели. Дрались, дурачились врукопашную парни. Целовались здесь же, по-тёмному. А она всё видала, слышала. И ни гу-гу, никому ни слова... И всех пережила.

С горы, от «векового дерева», далеко было видно. Простор и свет. И если бы ни давящая тишина. Ни поля брошенные. Ни эти сникшие избы с заколоченными крест-накрест окнами. В иных избах и заколачивать было нечего, они смотрели пустотой выбитых оконных проёмов, как слепыши. Крыши у

многих проломились в коньке, а бревна нижних венцов превратились в коричневую труху.

Дом, ранее принадлежавший семье Мишенёвых был не краше. И надо было напрочь воображение, чтобы представить, как бегают здесь и шумят шестеро братцев и седьмая сестрица, единственная; коровы, овцы, куры, крики, гам, - отец, Михаил Андреевич, чтобы прокормиться, в колхозе работать отказался наотрез. Трудодни в колхозе были пусты. Как говорилось, люди за палочки работали. И отец ушёл в лес. Пни корчевал. Дёготь гнал. Собирал живицу. Заодно ставил силки, ловушки, зверя добывал и птиц всяких, от рябчиков до глухарей. А за то, что от колхоза отвернулся, власть отрезала многодетному Михаилу Андреевичу огородную землю под самое крыльцо. Пугали и прокурором. Он это все одолел - непьющий, трезвый, он не гнушался никакой работой. И жена под стать попалась, Фаина Николаевна. Сирота, без матери выросшая, она с мужем была заодно в любом деле. Мишенёвы уехали вскоре в Берёзово, к большой дороге поближе, и где их никто не притеснял.

Теперь Василий Мишенёв мне показывал, ще он окуней в речке ловил на удочку, где учился-осваивал двухколёсный велосипед, где отца с лесной работы встречал вечерами. И что-то, видно, припомнилось ему из далеких времен особенное, во всяком случае, когда мы подошли к изгнившим ступеням крыльца, обросшего сухим бурьяном, голос у него осёкся, и он отвернулся, чтобы я не увидал, как он плачет.

б

- А вот здесь жил Микола Солдатов. Мастер на все руки. На ручье стояла водяная мельница. Микола её всегда в порядке содержал. Там же у него маслобойка была. И станок, доски строгать. И всё у него крутилось, вращалось, работало на пользу. А шестерёнки из дерева вырезал.

- Рядом жил Павел Ципилев. Пятерых сыновей, ципинят своих, проводил он когда-то на войну с немцем. И ни один не вернулся.

Так мы и шли не спеша, от избы к избе. Постоим с минуту, помянем ранее живших там и двигаем дальше. Где-то на полпути, откуда ни возьмись, неожиданно выскочил из травы тонконогий, пятнистый щенок, чёрное с белым, и судя по всему, одуревший от безлудья, он нам обрадовался, как своим, прыгал, заглядывал в глаза, вилял усердно хвостом и от избытка чувств громко взлаивал. Мы ему тоже обрадовались, как своему. Так и шли вместе.

Возле избы, которая почти вплотную упиралась задворками в лесную опушку, Мишенёв задержался дольше обыкновенного.

- Тут дядя мой жил. Тоже фронтовик бывший. Вернулся с войны весь израненный и, как он сам говорил, «с чужой кровью в жилах». Кстати отличный был гармонист. Наша семья уже в Берёзово переехала, он всегда приходил к нам бывало на летний деревенский праздник, и обязательно гармонь на плече. Без гармонии ни-ни, не хаживал. Ну и, конечно, выпьет лишку, едва держится на ногах, но гармонь словно сама у него играет, не умолкая. И обязательно буяннить начнёт, как моя мать говорит, «душу мотать». Натешится, нашумится дядька и назад, в Пахомово, но утром непременно возвращается. «Простите меня, ради Бога. Это не я, у меня чужая кровь, это она вам душу мотала, так-то я мужик хороший».

- Как звали его?

- Анатолий. Анатолий Николаевич Кудринский. У нас полдеревни Кудринские были... Жену у него Лидой зовут. Дядя мой, должен заметить, уходил на войну рядовым. Вернулся капитаном. Вот так. Наши не лыком шиты.

Капитанова избёнка смотрелась довольно исправной, вполне пригодной для обитания. И стёкла не побиты в окнах. И тропинка к порогу не заросла.

7

А теперь о стихах. Совсем не много. Я не критик. Мне трудно судить что-либо о творчестве Мишенёва. Я просто ограничусь тем, что целиком процитирую письмо, ему адресованное, из сибирского села Овсянки:

«Дорогой Василий!

Стихи вы пишете хорошие, да на Вологодчине, наверное, уже нельзя писать плохо, там уже традиция хорошей литературы существует.

Этакий вологодский строй, хорошо это или плохо, я не знаю. Для меня хорошо. А кому-то может и не поглянется тривиальность тем, мыслей, звучания. Но всё это изживается работой и временем, крепчающей «рукой» поэта.

Но как ему и где крепнуть? Сейчас никто не издаёт поэзию, и периодические издания печатают ее неохотно, тем более поэта из самой что ни на есть глубинки России. Просто беда? И когда это кончится?! Но писать, как рожать, нельзя остановиться. Поэтому желаю вам новых стихов, радостей новых и творческого страдания. Кланяюсь. Виктор Астафьев.»

8

И закончу я эти заметки тем, что опять вернусь в деревню Пахомово. Ничего не берусь утверждать: стихи, как молитва, дело интимное, не каждому даются. Но если в ком Божья искра обнаружилась, то это, мне кажется,

говорит только за то, что человек, такой в ответе и за себя, и за тех, кто жил и живет с ним рядом. Все прочие по-своему были хороши и талантливы, а раскрыться, сказать сердечное слово не смогли. А если кому на роду написано... тот за всех и скажет.

Почему-то перед глазами моими опять берег ручья, где стояла когда-то мельница, а в прибрежной осоке догнивает водяное колесо, которое для многих поколений вращало мельничные жернова... И ещё: на горе, над ручьем, над пустыми, запаханymi полями, над крышами осиротелых изб стоит «вековое дерево», вершина-макушка его в небесах, а корни смолистые прячутся в земную твердь.

г. Москва, журнал «Сельская молодёжь», декабрь 1997 г.

Г. ГОРЧАКОВ —

Слово о большом русском поэте

Держу в руках прекрасно изданную в Вологде (в серии «Вологда. XX век») книгу стихов Василия Мишенёва «Поднебесные птицы». Впечатление от прочтения пронзительно гражданских, чисто русских стихов огромное. Стало легче на душе от того, что рядом живёт человек, страдающий за Россию, болеющий своей чистой душой за наш униженный северный край.

Можно писать довольно грамотные стихи - и не быть при этом поэтом. Поэтический дар, данный человеку природой и постоянно развиваемый самообразованием, глубоко равнодушным отношением к жизни, ко всему окружающему, - это ведь еще и тайна, необъяснимая, божественная, это и умение, и способность радоваться, сопереживать, любить и ненавидеть во многом глубже и острее, чем мы, люди обыкновенные. Как очень верно заметил А. Яшин, надо иметь поэту «птичье зрение», чуткое сердце, быть во всём и всегда Человеком с большой буквы.

Василия Михайловича Мишенёва я прилюдно и вслух называю большим русским поэтом. И очень рад, что не одинок в такой оценке.

Вячеслав Белков в газете «Красный Север» от 26 апреля 1994 года в статье «О чём шумят друзья мои поэты» пишет о Василии Мишенёве:

«Думаю, что мы еще доживем до того времени, когда его стихи попадут в хрестоматию русской поэзии. Надо любить своих поэтов и не бояться высоких слов об их творчестве...»

Вчитаемся в строки из «Осенней песни» Василия Мишенёва:

Пустых наслушавшись речей,
Я вновь ничей! **Я** вновь ничей!
Туда всю грусть свою унёс,
Где шум берёз, где шум берёз...
И на душе моей светлей
Среди полей, среди полей!
Пусть засмеют мою любовь
В обломках слов, в обломках слов!
Но за нее я не боюсь!
Боюсь за Русь! Боюсь за Русь!

О своей любви к России, о своей боли и тревоге за её судьбу сказано предельно откровенно. Негромкий патриотизм часто бывает глубже и искреннее «битья в грудь».

На родине -
Холодные ключи,
На родине -
Березовые рощи,
Но о любви к земле
Ты не кричи,
А тихо встань
И в роще помолчи,
У родника
Напейся из ладошки...
(«На родине»)

В поэзии В. Мишенёва понятия «Родина», «свой край», «свой дом» тесно переплетены. Вот почему так легко и задушевно ложатся на сердце его стихи о Никольске, о деревне Берёзово, о родительском доме, о матери. Куда уж там «знаменигым» писателям и поэтам из-за «бугра» с их ностальгией по России. Такие горе-поэты твердят о своей любви к родине, но только жить с нами не хотят.

Остро обозначена в стихах В. Мишенёва проблема Памяти. Без прошлого не было бы настоящего, а без связи времен не будет и будущего. Эта связь времен не порвана ещё вовсе, но сегодня во многом извращена. История

России преподносится современной молодёжи, мягко говоря, упрощенно. Да что тут говорить, когда учебники по истории нашей Родины для учащихся старших классов пишут американские учёные?! Поэтому и о Сталинградской битве в таком «учебнике» всего несколько скупых строчек. И это в предверии 55-летия Великой Победы... Не могу не привести к этому слова выдающегося русского мыслителя XIX века Петра Киреевского, друга А. С. Пушкина: «Нет ни высокого дела, ни стройного слова без живого чувства собственного достоинства... Чувства собственного достоинства нет без национальной гордости, а национальной гордости нет без национальной памяти».

Как будто сегодня сказаны о нас эти слова патриотом России! Есть над чем задуматься...

Сегодня мир
Уродлив и нелеп,
И мы теперь не те,
Что были прежде...
Дай Бог нам всем
Сберечь в душе надежду
На лучший день,
На тёплый хлеб!
Как важно нам
Не потерять себя
В пылу, в дыму,
Среди раздора,
Принять, как есть,
Всю тяжесть приговора,
Который жестко
Вынесла судьба!..

В поэте живёт способность радоваться жизни, но не бездумно, а осознанно. Конечно, есть и думы, сбивающие радость.

Поэт испытал на себе жизненные беды, но не согнулся, не озлобился, не замкнулся, а, напротив, проникся еще большим чувством «живой жизни».

Пред нами человек, кровно связанный с землёй-кормилицей, и вы чувствуете, что именно в ней его любовь и радость жизни, самое лучшее лекарство от всех болезней и несчастий.

Есть вечные, непреходящие ценности в жизни. Научиться их понимать и беречь - в этом мудрость и радость человека.

И вновь раскрепощается душа,
И грозный мир не помнится жестоким.
Когда под небом родины высоким
Идешь своей дорогой не спеша...
(«Дорога к дому»)

Помимо мелодичности, стихи талантливого поэта «музыкальны» и в том смысле, какой имел в виду Фет; сказавший: «Что не выскажешь словами - звуком на душу навей». Поэтому так часто обращаются к поэтическим строчкам Василия Мишенёва композиторы. Стихи, ставшие песней, - это подарок и для поэта, это и высшая степень признания его поэтического таланта. Широко разнеслись песни, написанные известными вологодскими музыкантами - Александром Хазовым из Сокола, Верой Лишовой и другими на стихи В. Мишенёва. Да и сам я, грешный, часто пою под свою мелодию:

Как птицы высоко
Взлетели надо мною,
Покрыта серебром
Июльская река...
Родимые края!
Привязан к вам душою,
К берёзам вековым
Никольска-городка...

Слово в стихе не живёт обособленной от других слов жизнью. Поэт Н. Заболоцкий писал: «Слова должны обнимать и ласкать друг друга, образовывать живые гирлянды и хороводы, они должны петь, трубить и плакать, они должны переключаться друг с другом, словно влюблённые в лесу, подмигивать друг другу, подавать тайные знаки, назначать свидания и дуэли!» Этот союз «звуков, чувств и дум» и есть взволнованный монолог поэта о своей земле, о том, что увидел он своими глазами.

И дай Бог здоровья и долголетия, сил физических и душевных большому талантливому русскому поэту Василию Михайловичу Мишенёву. А закончить статью я хочу словами из стихотворения поэта, звучащими как апофеоз всей книги:

Уходит жизнь водой в песок,
К корням, питающим листву,
И оттого, что краток срок,
Я жизнь безудержно люблю.

г. Никольск

А . РОМАНОВА — — —

Надежды и печали Василия Мишенёва

Когда в руках
Несёшь свечу во мраке,
Спасти огонь -
Главней задачи нет!

Из газеты «Красный Север» я узнала, что поэту Василию Мишенёву исполнилось сорок лет. И мне очень захотелось послать ему своё искреннее, пусть и немножко запоздалое поздравление с пожеланием добра и здоровья, как он написал на подаренном нам сборнике стихов «Надежды и печали». Это пятый, наиболее полный сборник, поэтому мы с радостью встречали уже знакомые, давно полюбившиеся стихи, с интересом читали новые.

Открывается сборник очень грустными, горькими, подчас безысходными раздумьями о погибающей России, над которой «разыгралась зловещая вьюга», где «над разграбленной страной кружит ворон». Поэта тревожит, что на родине «веселых песен нынче не поют, улыбкой не ответят на улыбку. Откроешь душу - в душу наплюют». Даже красота родных мест не радует, потому что вся земля, как после побоища. «Рассветные зори стелются дымом, цветы полевые в пыли». Временами в стихах поэта звучит такая горечь, такой гнев, что строки, будто жгучее обвинение неумным и неумелым хозяевам жизни.

Поэт пытается осмыслить случившееся с нашей страной. Ему кажется, что напрасно много лет «непонятный, неведомый храм воздвигали на тонущей льдине», что все мы «разъедены ржавчиной лжи, отмечены знаком падения», не помним своих имен и «не знаем, где собственный берег». Чувствуется, что и сам поэт растерян, не знает, чем и как помочь родному краю. Он с грустью признается: «Сегодня мне так трудно мир понять. Душа в нем

много не принимает». Он пытается найти честный ответ на самый жгучий вопрос: «Что случилось нынче с нами и страной, что завтра ждет нас за чертой рассвета?».

И пусть читатель не найдет ответа на многие тревожные вопросы, но хорошо уже то, что они поставлены, заставляют думать, волнуют.

Одна из таких тем Мишенёва - народ. Все говорят и пишут о народе, от имени народа. А что же он, сам народ? Если этот народ, «замороженный, забитый, воровской Москвой забытый», живёт себе в глубинке тихо и на вопрос «Как живешь, народ?» отвечает: «Нормально», то о чем тогда и говорить?! И поэт обращается к народу:

Что ж молчишь ты,
народ мой испуганный,
Иль удел для тебя -
Нищета да ярмо?

Так и вспоминаются строки Н. А. Некрасова, обращенные к народу: «Ты проснешься ль, исполненный сил?».

О, эти вечные, жгучие русские вопросы! Многие стихи Василия Мишенёва можно объединить одной грустной мыслью: «Вопросы есть, ответов нет».

В этой группе стихов мне показалось очень интересным стихотворение «Знакомый путь». Кругом «места - знакомые до боли, места - любимые до слез». Казалось бы, живи и радуйся, но поэту «невозможно без печали прожить в родимой стороне». Он заставляет и читателя чувствовать себя ответственным за то, что произошло и происходит сейчас в стране, пусть сам он и «не рушил колоколен, не мыслил ночью убивать». И пусть ты сам не совершил никакого дурного поступка, но «сын не может быть спокоен, когда больна жестоко мать».

Как тут опять не вспомнить бессмертные строки Н. А. Некрасова: «Не может сын глядеть спокойно на горе матери родной, не будет гражданин достойный к Отчизне холоден душой». Вот это чувство кровной связи поэта с бедами родного края, чувство сыновней ответственности за судьбу Родины, за её чёрные дни, за её будущее пронизывает многие стихи Василия Мишенёва.

Что делать? Вечные вопросы
Лежат камнями на пути.

Их мне сегодня не отбросить
И стороной не обойти.

Среди вопросов есть один, который тревожит каждого мыслящего человека - это вопрос о смысле жизни:

Закончив путь,
Я встану пред судом
И в строгий час
Скажу тогда о чем?
Никак нельзя
Не думать мне о том:
Что - жизнь моя?
Что - мир?
Что - сам я в нём?

Временами поэту очень одиноко в этом мире, он хочет «докричаться людям», а в ответ ни звука. Поневоле появится горькая мысль о своей ненужности. Меня просто потрясло стихотворение, где поэт рассказывает грустную историю о том, как он «вчера на житейском базаре продавал за бесценок стихи». Подошедший покупатель снисходительно жалеет поэта, говоря, что с таким «товаром» не прожить, «пропадешь», и самое страшное - «как мнение народа» высказывает мысль, что «давно уже кончилась мода на бессмертную тему души».

Я несколько дней ходила под впечатлением этого горького рассказа. Да, плохое, видно, время настало, если бессмертная тема души людей не волнует.

Горько поэту, и он обращается к своей душе, чтобы она не опустилась до озлобления, хранила бы в себе «полдневный свет, чтоб где-то рядышком другая душа откликнулась в ответ». Во многих стихах начинает звучать уже твердая уверенность поэта, нашедшего свое место в этом мире. Мне особенно понравились такие строчки:

Когда вокруг
Кричали,
Лаяли,
Топтали,
Неслись без фар

На смертном вираже,
 Я проходил
 В тревоге и печали
 От сердца к сердцу,
 От души к душе.
 Меня влекло
 Схватиться в общей драке,
 Но помнил сердцем
 Среди разрух и бед:
 Когда в руках
 Несешь свечу во мраке,
 Спасти огонь -
 Главней задачи нет!..

Да, вот такую задачу перед своей поэзией поставил Василий Мишенёв, такую позицию в «общей драке» выбрал, что она прямо выливается в широкое эпическое полотно: «Я стою посредине России и молитву твою за людей!»

Поэт уже не сомневается в правильности своего выбора, и нерастерянные безответные вопросы, а убежденные ответы звучат в его стихах:

Облака и туман над Россиею.
 Но в краю, где начало дорог,
 Понимаю с особенной силою,
 Где мой путь,
 Где мой свет,
 Где мой бог!

Избранный путь, конечно, не из лёгких, потому что душа никогда не будет спокойна, безучастна к большим и маленьким драмам, которые происходят вокруг. Вот, казалось бы, мирная прекрасная картина: падает снег. Что может быть чудеснее, когда тихо падает снег и преображает все вокруг: «как будто причудливый сон пленяет дома и деревья». Но поэт призывает читателя не только прислушаться, как «снежинки летят с высоты», а и всмотреться в «тревожную душу деревни». А деревня-то едва дышит, она почти пуста. «Послушайте - падает снег. А где же на улице дети?».

Сжимается сердце от этого простого вопроса, слова не идут, да, наверно, и не нужно тут никаких слов. И вообще многие стихи этого истинно талан-

тливому поэту не поддаются никакому прозаическому анализу. Их нужно просто читать и восхищаться умением поэта передать и красоту родной природы, и малейшее движение человеческой души.

Прочтешь стихи о природе родного края и поверишь, что прогулка в лес может стать «лучшим лекарством для загрустившей души».

Я вот читала эти строки и такую чудесную картину видела перед собой:

Крутые небесные своды,
Лучами пронизана высь.
Среди первозданной природы
Парит воскрылённая мысль.

Вот откуда то чудо, поэзия Василия Мишенёва, вот почему «...раскрепощается душа, и грозный мир не помнится жестоким, когда под небом родины высоким идёшь своей дорогой не спеша!».

Пусть идёт поэт по выбранной дороге, пусть будут услышаны его «воскрылённые мысли».

«Красный Север» от 18 февраля 1999 года

А . СМОЛИН

Иного выбрать я не мог...

Знаю несколько людей, для которых стихи - естественный, а главное, почти единственный способ жизни. Василий Мишенёв один из них. Говорить же о нем, не зная канвы его судьбы, видимо, нельзя. А он появился на свет почти в той же округе на Никольщине, что и поэт Александр Яшин. Было это в 1958 году. Василий, как и его знаменитый земляк, рано понял, что поэзия ему будет дана до конца его дней. Да и могло ли быть иначе? Места там сказочные, почти былинные, где почти всякий может разбудить в себе поэтическую натуру. И ещё штрих судьбы - тяжелая, почти неизлечимая болезнь многое сломала в жизни поэта. Но не сломала, может быть, самое главное - душу!

У Василия Мишенёва вышло уже четыре сборника стихов. Первый он назвал - «Лирика». Возможно, это произошло случайно. Но ведь помним,

что в свое время и Рубцов свою первую книжку назвал точно так же! Может быть, и Мишенёв подает знак — это традиция, это осознанное следование своему предшественнику в русской поэзии.

Сегодня модно - именно так! - считать, что поэт - величина самодостаточная, и традиций принимать никаких не должен. мода, впрочем, всегда появляется там, где она нужна. Это ее свойство. Мне кажется, что о «самодостаточности» поэты могут говорить только от извращённого образа мышления. Дело не в том, чтобы повторять темы, структурные возможности стиха и т.д. Основа - в корневых мировоззренческих принципах, которые передавались от поколения к поколению.

А Василий Мишенёв - традиционалист? Конечно. Более того, пока он даже не стремится оторваться от ближайшего поколения - Рубцова, Чухина, Прасолова. А. Романова, что в пору становления оказалось для него плодотворным и необходимым. Это ведь, кстати, характерно не только для него, а для очень многих поэтов провинции. Они вобрали в себя тот мир поэзии, который им оказался близок, понятен, приемлем.

Как у Мишенёва следование традиции проявляется? Давайте посмотрим. Ещё в первом его сборнике как-то сразу выделилось одно стихотворение, которое показалось очень знакомым. Вот оно:

Доживу. Дотяну. Добегу.
До цветов на росистом лугу,
До заждавшейся тихой избы,
И появится дым из трубы.

Доживу. Добегу. Я смогу!
Подождите на том берегу!
Я вернусь, постаревший чуть-чуть!
На земле не закончен мой путь!

Согласитесь, очень приметный образный ряд. Да вот - Николай Рубцов, «Элегия»:

Отложу свою скудную пищу
И отправлюсь на вечный покой.
Пусть меня ещё любят и ищут
Над моей одинокой рекой.

Пусть ещё всевозможное благо
Обещают на той стороне.
Не купить мне избу над оврагом
И цветы не выращивать мне...

Переключка двух поэтов очевидна. Даже на уровне организации стиха, композиции, ритмических построений... Невнимательный критик тут же и скажет: что ж ты, брат-поэт, повторяешься! Раз создано до тебя, то уже и прикасаться не смей! И доля правды, наверное, в этом есть. Значительно сложнее создавать свой поэтический мир. Но... Всё-таки, перед нами не механическое, то есть подражательное, повторение одного поэта другим.

Что у Рубцова? Крушение иллюзий на покой в этом мире, прощание с чем-то желанным, но уже недоступным. А у Мишенёва? Здесь совсем другое: это возвращение к жизни, это обретение своего берега, уверенность в своем праве жить так, как это будет необходимо людям.

Вполне возможно, что Василий Мишенёв и создал свое произведение под впечатлением от «Элегии» Рубцова. Но перед нами в любом случае другой лирический Герой, другая судьба, другое мировосприятие. И тут уж не обращаешь внимание на сходство поэтических средств, ибо это в поэзии не главное. Тут важней, что это новый взгляд на жизнь. И принадлежит он другому поэту.

В целом В. Мишенёв еще не раз давал понять - кто близок ему в поэзии. Такое следование могло бы завести в тупик. Но единичность судьбы поэта заставляет его пересмотреть очень многое в самом себе. Да, он пишет преимущественно лирику, он не пытается пока далеко уходить от себя, но через своё поэтическое «я» он всё чаще обращается к размышлениям о родной стороне и её людях, о судьбе России. В какой-то момент он мог спросить себя: «Вот только поймут ли люди в стихах моих сердца грусть?». А вот сейчас уже твердо знает, что помимо своей судьбы есть то главное, ради чего жить и стоит:

Мчусь я вместе с листьями другими,
Но хочу сквозь бури и огонь
Пролететь дорогами такими,
Чтоб упасть к России на ладонь!..

Василий Мишенёв завершает формирование своего поэтического голоса. Он всё более самостоятелен в выборе форм и содержания своих стихов.

И тут ещё более острым будет для него вопрос: а что дальше? Как уйти от себя первоначального, чтобы мир поэзии стал более широк и объёмен? Конечно, тут каждый решает сам! Интересно, что судя по последнему сборнику - «Кленовые листья» - он уходит в освоение русской поэтической традиции ещё дальше по времени. Он даже называет имя, которое становится ему всё ближе и ближе - Клюев! А что? Живя среди такой речевой стихии, которая еще сохранилась на Никольщине, среди былин и сказок, которые есть в обиходе тех мест, вполне можно найти там такие кладези, что их еще на многих поэтов хватит. Может, это новый путь Василия Мишенёва? Посмотрим, время покажет...

«У каждого свой путь и берег», Вологда, 1999 г.

Н.

СТРИГИНА

Россия во хмелю

Если спросить у Василия Мишенёва, нашего земляка, поэта из Никольска, доволен ли он своей судьбой, он без особых раздумий ответит утвердительно: он состоялся как творческий человек - опубликованы шесть сборников стихов, которые покупают, читают, поют на них песни. У него любимые и любящие жена и дочь, есть свой уголок в родном Берёзове (деревенька под Никольском), где живут родители, его любят и уважают земляки.

Единственное, чего не хватает Мишенёву - здоровья. Несколько лет назад во время зимней рыбалки он провалился под лёд и с тех пор у него не в порядке позвоночник. Болезнь то приковывает его к постели, то отступает, позволяя нормально передвигаться и главное - творить, творить, творить. Из-за недомогания Мишенёву пришлось расстаться с постоянной работой - редактора районной газеты. Но как мне показалось, он не очень переживает по этому поводу, поскольку ему вообще претит это понятие - «постоянная работа». В райгазете он начал работать ещё 20 лет назад, был заведующим различными отделами и, казалось, довольно быстро мог сделать карьеру. Однако из газеты Мишенёв периодически уходил. «А уходил почему? Чтобы заниматься творчеством по-серьёзному. Поскольку считаю — совмещать журналистику и поэзию практически невозможно. У журналиста со временем вырабатывается особый лексикон, он связан определенными идеологическими рамками, которые мешают человеку творческому». А чтобы кор-

миться, чистил колодцы, красил крыши, колотил заборы. Так и бывало - помашешь топором и за перо. Помимо обыкновенного топора источником вдохновения для Мишенёва-поэта является его деревенька, где поставил он собственноручно домик, в котором тихими летними, а иногда и дождливыми осенними вечерами рождаются новые строки.

К осени у Мишенёва отношение особое: «Весна, лето - это буйство красок, взрыв чувств, и о поэзии порой забываешь. Осенью в природе наступает какая-то завершённость, и в душе все успокаивается, светлеет, можно и за работу браться».

- Мне приходилось слышать мнение, что если двадцать лет назад Вологодская литературная школа считалась лучшей в России, то теперь уже совсем не то...

- Трудно полностью с этим согласиться. Судите сами - в Иркутске есть Валентин Распутин, но об иркутской школе не говорят, в Орле стараниями Строева в год издаётся до 50 книжек местных авторов, учреждены несколько литературных премий, и тем не менее понятия орловской школы не существует. Конечно, 70-е годы - это время расцвета вологодской литературы. Уже нет Рубцова, Чухина. Многие ушли в последние годы - Коротаяев, Романов, Шириков, Фокин. И все же рожденные ими особые традиции остаются, востребуются новым поколением литераторов. Это прежде всего классические подходы - среди писателей-вологжан нет представителей каких-то особенно ярких авангардных течений и прочих «выкрутасов». И конечно, писатели и поэты Вологодчины всегда трогали сердца людей темой северной деревни, суровой красоты нашей природы. Такое никогда не исчезает.

- Вот вы сказали о людских сердцах. Какими особыми свойствами должен обладать поэт, чтобы их затронуть? И обязательно ли душещипательные строки рождаются у автора, который сам переживает какие-то потрясения, неважно, душевные или физические?

- При гладкой и сладкой жизни настоящим поэтом быть сложно. Но я не думаю, что он обязательно должен быть нищим, бродягой, пьяницей. Главное отличие поэта от обычных людей в том, что всё им увиденное и пережитое он умеет не только пропустить через сердце, но и выложить на бумагу, в простых строках сконцентрировать любовь и ненависть, радость и боль. Понимаете, если человек равнодушен, он может быть хорошим стихослагателем, в смысле мастерски рифмовать строки, но не задевать ими души людей. При этом сердце поэта должно болеть не только и не столько по поводу собственных неурядиц, а за свою страну и народ. И это правда, как бы высокопарно это не звучало.

Сегодня мир уродлив и нелеп

Для Мишенёва вопрос о судьбе страны вовсе не праздный - он искренне не может понять все то, что сотворили с Россией реформы последнего десятилетия.

- В каком ещё государстве, на государственном же уровне можно пропагандировать отвращение к собственной истории, зачеркивать то, чего добилась страна за последние 70 лет. Я не согласен с современной трактовкой нашего прошлого, в частности, правления Сталина. Ведь период его руководства - это не только террор. Нельзя забывать, что он принял Россию с сохой, а оставил с атомной бомбой, и кроме стоптанных сапогов и шинели у него ничего не было. Я уже говорил, что никогда не был членом КПСС и могу судить об этом беспристрастно. Вот почему мы запутались, в каком направлении развиваться, оказались в экономическом и социальном тупике. Когда каждый гражданин знает и гордится историей своей страны, такому народу очень сложно запудрить мозги, сбить с пути. Это гораздо легче сделать, когда в мыслях и душах - хаос, помноженный на массу негатива (преимущественно западного производства), который присутствует на нашем телевидении, радио, в газетах. Нельзя так резко бросаться из одной эпохи в другую, тем более, что столько лет мы жили по указке, и сразу сориентироваться в хлынувших на нас «свободах» очень сложно.

- Не значит ли это, что демократические институты пока для нас неприемлимы?

- Мы почему-то понимаем демократию так: где могу, столько и краду. А демократическое общество - это общество с огромными обязанностями, жесткой дисциплиной. Мне кажется, в этом смысле демократии было «больше» при прежнем режиме. И всё мы делаем как-то наполовину - начнем, а как дальше действовать - не знаем. Кричали о фермерстве, а никаких условий для него не создаем. Получил крестьянин землю, а чем её обрабатывать, когда обычный МТЗ стоит 250 тысяч? Кредит взять нереально. Как его выплатить, если фермер не может реализовать свою продукцию на выгодных условиях - импортные сельхозтовары дешевле, потому что, например, немецкому фермеру продающему масло в Россию, государство на 30% компенсирует его производство. И таких примеров - масса. Но более всего из ныне происходящего меня тревожит дифференциация общества, та страшная пропасть, которая разделяла еще недавно относительно одинаково обеспеченное население. Согласен, уравниловка - это плохо. На Западе, на который мы сейчас ориентируемся, хорошо живут те, кто долго и упорно работает.

У нас же этот принцип воплощается в крайне уродливой форме - появилась установка «урвать», где только можно, потому что хорошо заработать в России честным путем просто невозможно. Вот и формируются вокруг власть имущих (пусть и выбранных всеобщим голосованием) кланы и группировки, у членов которых одно только желание - самим жить хорошо. Пусть и за счет всей страны.

- Получается, перспективы у нас не самые радужные?

- Вспомните, чем сильна была Русь - крестьянскими устоями, общиной. И как бы не были разрозненны наши люди, эти традиции сломать очень трудно. Русский человек может напиться до помрачения ума, нести ахинею, махать кулаками, а потом проспаться и взяться за дело. Мне кажется, в России это похмелье еще не наступило. Но мы проснемся. Обязательно.

«Вологодская неделя», №7, 2000 г.

— — — **В . ЛУКЪЯНОВА** —

Поднебесные птицы

Нет! Без поэзии не жить!
Уже не отрешиться.
И ей на донышке души
Вовек свечой теплиться.
Иного выбрать я не мог
Для счастья и мученья,
Но этот тихий огонек -
Костер самосожженья!..

В ранней юности шагнул на этот костёр наш земляк Василий Мишенёв. Ещё школьником публиковал он свои стихи в районной газете. «Свой у каждого в жизни костер...», - говорит он в другом своем стихотворении. С каждым днем костёр его творчества разгорается всё ярче, то согревая, то обжигая души всё большего числа его поклонников.

К его стихам невозможно остаться равнодушным. Они просто западают в душу, бередают её, заставляют задуматься о жизни, о себе, очищают своим светом и чистотой. Стихи удивительно мелодичны, и многие из них как бы сами собой превращаются в песни.

А как чётко, правдиво и емко отражают его стихи жестокость, неустроенность и неустойчивость нашей жизни.

Сегодня мир уродлив и нелеп...

Я вижу - беззащитен дом,
И душу обжигает льдом,
Когда я думаю о том,
Как мы живём, куда идём...

Мы разъедены ржавчиной лжи,
Мы отмечены знаком паденья!..

И вот - новый подарок всем любителям поэзии, новый праздник для каждой неравнодушной души. В конце прошлого года в Вологде в серии «Вологда. XX век» вышел уже шестой по счету сборник стихов члена Союза писателей России Василия Мишенёва «Поднебесные птицы».

Презентация этой книги состоялась 25 февраля в читальном зале районной библиотеки. В этот день поздравить поэта с рождением новой книги, пожелать дальнейших успехов в творчестве собрались его друзья, близкие, ценители его поэзии. Много тёплых слов, слов восхищения было сказано в адрес виновника торжества. Звучали стихи, песни на его стихи. Вечер подготовили работники библиотеки, а проводила его директор ЦБС Л. П. Зизевских.

По ходу сценария вечера зачитывались отзывы известных литераторов о творчестве Василия Мишенёва. Высокую оценку его стихам дают в разные годы В. Астафьев, А. Романов, Ю. Леднев, В. Белков.

Выступили на вечере гости, приехавшие из Вологды на презентацию: Ответственный секретарь Вологодской писательской организации Роберт Балакшин, писатель Виктор Плотников и бард Марина Кулакова.

Роберт Балакшин в своём выступлении отметил, что поэт Мишенёв неспроста живёт в Никольске. Ведь как писал Василию Мишенёву Виктор Астафьев, «на Вологодчине нельзя писать плохо», а на Никольской земле - тем более. И наш город как бы излучает чистоту и свет.

Виктор Плотников сказал примерно следующее:

- Среди 40-летних поэтов Василий Мишенёв сильнейший не только своим талантом, но и житейской мудростью. Его поэзия шагает по России всё шире. Вот уж и в «Роман-газете» выходят его стихи. Идет подго-

товка следующей, седьмой книги, так что не за горами новая презентация, новая встреча.

О том, что талант Мишенёва-поэта идет от земли, от родителей, доказывал своим выступлением В. Н. Цветков.

Обстоятельно говорил о творчестве Мишенёва А. А. Куваев. Он пожелал Василию Михайловичу «добра и здоровья, дальнейших творческих успехов. Пусть будут услышаны его «воскрыленные мысли», пусть ангел добра витает над его головой».

Все присутствовавшие в зале с большим интересом слушали тех, кто знал теперешнего знаменитого поэта ещё школьником. Это бывшие его учителя Т. П. Никитенко, Л. Н. Берсенева, его одноклассница Р. Г. Шапкина (сейчас она - Заслуженная учительница школ России, работает в Пермаской школе).

Таисья Петровна отметила, что наш Никольск - самый культурный на востоке. Многие у нас знают и любят поэзию земляков. Она вспомнила аккуратного, старательного шестиклассника из большой трудолюбивой семьи. «Из Васи Мишенёва вырос Василий Михайлович. Он пишет стихи о нашей земле. И я очень люблю эти стихи».

Привет с пермаской земли, от школы, где учился В. Мишенев, привезли учителя Пермаской школы. Отметив в своём эмоциональном выступлении, что в Никольском районе конкретно Пермаская земля богата талантами, Любовь Николаевна предложила провести праздник поэзии, подобный тому, что проводился на родине Александра Яшина в деревне Бледново, в деревне Берёзово, где живут родители и братья поэта Василия Мишенёва, где вырос он сам. И она права в том, что отдавать должное человеку, его таланту, достойно ценить его нужно при его жизни.

«Я рада, что виновник торжества - мой одноклассник, - с гордостью говорила Раиса Гавриловна Шапкина. - Мы уже все в школе знали, что наш Вася Мишенёв будет великим человеком, и относились к нему по-особенному. А теперь, когда выходят его книги, я покупаю их стопами и рассылаю близким и знакомым от Калининграда до Владивостока - знай наших!»

Брат поэта, глава Пермаской сельской администрации Леонид Михайлович, сказал, что коли стихи читаются, значит, они нужны людям. И, зная брата лучше, чем кто-либо другой из присутствовавших в зале, сказал и то, что работает поэт-Мишенёв далеко «не на полную катушку». Потенциал его значительно больше.

Не было в тот вечер в зале равнодушных ни среди выступавших, ни среди зрителей. И с особым чувством все слушали стихи, которые проникно-

ные: «...в молчаньи звезд над полем и рекою моя душа вдруг слышала такое, чего другим услышать не дано!..».

Тема любви к России является определяющей темой сборника.

И с какой-то особенной силой,
О которой и думать боюсь,
Я любовью простой и красивой
Полюбил безоглядную Русь!»

Сердце поэта болит за свою страну и народ. Для Василия Мишенёва вопрос о судьбе страны вовсе не праздный - он искренне не может понять, что сотворили с Россией реформы последнего десятилетия. Глубоко переживает он гибель русской деревни. Об этом говорится в пронзительных гражданских стихах: «У старой школы», «Вырывали крестьянские корни», «Земля родная», «Знакомый путь. Деревня. Поле.» и других.

Рассветные зори стелются дымом,
Цветы полевые в пыли...
И нет мне ответа, край мой родимый,
Откуда все беды пришли!..
(«Россия»)

Чувство сыновней ответственности за судьбу родины, за её черные дни, за её будущее, пронизывает многие стихи Василия Мишенёва.

Вечное время! Не будь к уходящим жестоко!
Тяжкие думы несущ по дороге своей.
Что ж так, Россия, под небом твоим одиноко?
Что ж так, родная, мне грустно средь милых полей?..

Поэт глубоко переживает, каким путем пойдет Россия, и убежденные ответы звучат в его стихах:

Облака и туман над Россиею,
Но в краю, где начало дорог,
Понимаю с особенной силою,
Где мой путь,
Где мой свет,
Где мой Бог!..

Василий Мишенев обрёл мужество смотреть глубоко в самого себя. Он ставит вечный, тревожный вопрос о смысле жизни:

Закончив путь,
Я встану пред судом
И в строгий час
Скажу тогда о чём?..
Никак нельзя
Не думать мне о том:
Что жизнь моя?
Что - мир?
Что - сам я в нем?

В газете «Красный Север» от 26 апреля 1994 года в статье «О чем шумят друзья мои поэты» Вячеслав Белков пишет о Василии Мишенёве: «Думаю, что мы еще доживем до того времени, когда его стихи попадут в хрестоматию русской поэзии. Надо любить своих поэтов и не бояться высоких слов об их творчестве...». В сборнике «Опавшие яблоки» есть стихотворения, которые могут считаться хрестоматийными: «Белые ночи», «Осенняя песня», «Падает снег», «В лесу», «На родине», «Снегири, свиристели», «Костер в ночи», «Веселых песен нынче не поют», «Я родное покинул крыльцо». В них Мишенёв предстаёт перед нами по-настоящему большим поэтом. Эти и другие стихотворения поэта легко запоминаются, их будут с удовольствием читать и взрослые, и дети.

Я настоятельно рекомендую всем прочитать «Опавшие яблоки» и погрузиться в прелесть поэзии Василия Мишенёва.

Пусть всё это явится читателю, даже хорошо знакомому с творчеством поэта, как бы впервые, пусть снова и снова совершится для него открытие большого поэта. Пожелаем ему здоровья и удачи!

Г-та «Авангард», 23 мая 2000 г.

СОДЕРЖАНИЕ

В. БЕЛОВ	
<i>Час безмолвия</i>	3
Ю. ЛЕДНЕВ	
<i>Имя ей - «лирика»</i>	6
<i>Пронзает</i>	8
А. РОМАНОВ	
<i>Протаяла звезда</i>	9
И. КУТОВ	
<i>О книге Василия Мишенёва «Надежды и печали»</i>	14
А. РОМАНОВ	
<i>Поднебесные птицы</i>	19
С. МАКАРОВ	
<i>Чужая кровь, или как дорога мимо деревни прошла</i>	21
Г. ГОРЧАКОВ	
<i>Слово о большом русском поэте</i>	27
А. РОМАНОВА	
<i>Надежды и печали Василия Мишенёва</i>	31
А. СМОЛИН	
<i>Иного выбрать я не мог</i>	35
Н. СТРИГИНА	
<i>Россия во хмелю</i>	38
В. ЛУКЪЯНОВА	
<i>Поднебесные птицы</i>	41
А. КУВАЕВ	
<i>Василий Мишенёв и его новый сборник «Опавшие яблоки»</i>	44